

Маркус Матыль

Возникновение националистической контркультуры в постперестроечной России 90-ых гг.¹

В середине 90-х гг. в России возник новый тип националистической молодежной культуры, или так называемой контркультуры. От протестной культуры молодого поколения на Западе он отличается по многим параметрам и некоторые из них весьма существенны: дело здесь не в особенностях каких-то стилей (рокеры, панки, скинхеды и т.п.) и не в формальной политической ориентации молодежи (анархисты, троцкисты, ленинисты, фашисты и др.). Различие заключается в том, что по сравнению с Западом, где названные группы настроены друг к другу в известной степени враждебно, в России в молодежной среде/контркультуре подобного рода группы объединяют их общие националистические, расистские и антисемитские взгляды. Эта близость, которой особо потворствуют идеологи российских «новых правых», выражается в почти полной нейтрализации специфического для молодежной культуры антифашистского потенциала, а также во все более заметной роли, которую националистические идеи играют в политизированной молодежной культуре. Увлечение этими идеями характерно для наиболее популярных в стране панк-групп и групп, исполняющих тяжелый металл, чья музыка и тексты оказывают большое влияние на десятки тысяч молодых людей. К тому же, благодаря популярным артистам и пользующимся влиянием интеллектуалам, вовлеченным в процесс развития «движения», оно находит широкое освещение в СМИ даже вне рамок их собственных структур коммуникации.

Многие аспекты, в особенности те, что относятся к современной и авангардной культуре, а также к эстетизации войны и борьбы, напоминают националистическую контркультуру периода раннего итальянского фашизма. В то же самое время в данном «движении» наблюдаются следы советской эпохи и черты, присущие западным «новым левым», что плохо согласуется с приведенным выше примером. Подобная эклектичность может привести к тому, что некоторые наблюдатели, в частности западные, рассматривают данное явление как внутренне противоречивое и вместе с тем аномальное. Однако это не должно скрыть от их внимания следующий факт: националистическая молодежная культура стала играть важную роль в рамках националистического спектра, все более и более доминирующего в политике.

---

¹ Статья ранее публиковалась в сборнике *Русский национализм в политическом пространстве (исследования по национализму в России)* (М.: Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук, изд-во ИНИОН, 2007 / Сост. Марлен Ларюель).

Исходя из этого объяснение феномена российской националистической молодежной культуры или контркультуры², который еще должен быть глубоко изучен, мы попытаемся в данном исследовании описать и объяснить причины его возникновения как результат изменения и взаимного сближения контркультуры и националистического движения. Это изменение и сближение следует рассматривать в контексте перемен, произошедших при переходе общества от советского строя к нынешнему российскому, в котором мы различаем следующие пять этапов: 1. доперестроечный – до 1986 г., 2. перестройка – с 1986 по 1991 гг., 3. промежуточный период с 1991 по 1993 гг., 4. постперестроечный с 1993/94 по 1998 и 5. постперестроечный с 1998 г. и далее.

По существу, в исследовании содержится анализ информации из разнообразных источников, причем не только таких, как основные национал-патриотические издания и газеты, освещающие контркультуру, журналы для спортивных болельщиков и вебсайты, но и интервью и публикации по интересующей нас теме, видеоматериалы, тексты песен и собственные наблюдения автора, накопленные им в течение шести лет.

Контркультура – наиболее удачный, как нам кажется, термин – применяется также в более широком смысле: так определяла себя диссидентская молодежная культура, которая существовала в Советском Союзе и которая, отказываясь от строгого следования норме и букве закона, порывала все связи с конформистским обществом³. «Поиск независимости» группами представителей контркультуры, как это описывается в одноименной статье Вольфганга Айхведе, служил могучей силой, которая позволяла оказывать сопротивление господствовавшему в системе единообразию и отдавать предпочтение развитию и подчеркиванию собственной индивидуальности⁴.

Совершенно необходимо, таким образом, показать, как эта прежде свободлюбивая часть общества была успешно интегрирована в националистическое движение, а также как появившиеся в связи с этим явные расхождения в политической ориентации преподносились как логическое развитие протестного движения. Тот факт, что эти расхождения не только должны были возникнуть в меняющемся облике и структуре контркультуры в целом, но и найти отражение в биографии некоторых ее активных деятелей, следует продемонстрировать на примере «Гражданской обороны», одной из наиболее популярных советских/россий-

---

² Mathyl Markus. Die National-Bolschewistische Partei als Beispiel für die Radikalisierung des russischen Nationalismus (Teil 1) // Halbjahreszeitschrift für südosteuropäische Geschichte, Literatur und Politik. 1997. № 2. P. 7-15; idem. Die National-Bolschewistische Partei als Beispiel für die Radikalisierung des russischen Nationalismus (Teil 2) // Halbjahreszeitschrift für südosteuropäische Geschichte, Literatur und Politik. 1998. № 1. P. 23-36.

³ Специфические классовые различия, как это было выделено в западной модели субкультур, не имели особенного значения в силу несравнимо высокого уровня единообразия в советском обществе.

⁴ Eichwede Wolfgang. Auf der Suche nach Autonomie // Auf der Suche nach Autonomie / Ed. Dietrich Beyrau, Wolfgang Eichwede. Bremen, 1987. P. 7.

ских панк-групп, и ее лидера Егора Летова. Несмотря на то, что эта группа придерживалась антифашистских и антинационалистических взглядов как до перестройки, так и во время нее, позже она стала занимать видное место в националистической контркультуре.

I. Доперестроечные времена

Настоящее исследование начинается с рассмотрения глубоко консервативного доперестроечного советского общества, в котором любая группа, имевшая отношение к контркультуре и стремившаяся к подлинной независимости, становилась врагом государства уже вследствие одного только факта своего существования. Притязания тоталитарной советской власти на то, чтобы регулировать жизнь страны и управлять ею фактически из одного места, то есть в ультрацентрализованной манере, ориентированной в большей степени на само государство, проникающая тем самым даже в мельчайшие ее детали, имели либо неограниченный успех, либо не приносили вообще никакого результата. Следствием этого (а в действительности в силу занятой государством и партией позиции, а также карательных мер с их стороны, которые были направлены против любых инициатив, ставивших пусть даже под малейшее сомнение всемогущество вышеупомянутых институтов) было отсутствие гражданской общественной сферы. Стремящиеся к независимости представители контркультуры были вынуждены, таким образом, уходить в неофициальную среду и осваивать квартиры и подвалы, принадлежавшие родителям, или иные доступные помещения. В таких местах организовывались репетиции разных музыкальных группы и проводились их мини-концерты. Даже совершенно особый концертный жанр – так называемые квартирники – также зародились именно здесь⁵. Между тем, и в таких местах те, кто противопоставлял себя и свое творчество культуре существующего советского общества, не были защищены от угрозы репрессий со стороны государства, как это наглядно демонстрирует случай с «Гражданской обороной», одной из самых популярных панк-групп, о которой мы уже говорили выше. В 1985 году в милиции появилось заявление о, якобы, антисоветской деятельности группы – его подала мать одного из членов «Гражданской обороны», которая подслушала репетицию, проходившую у нее на квартире. Данный случай имел печальные последствия для Егора Летова, являвшегося в группе солистом и автором текстов песен: точно так же, как и многие другие инакомыслящие, Летов был силой водворен в психиатрическую лечебницу, где ему вводились психотропные препараты. Делалось это, в первую очередь, для того, чтобы выяснить конспиративные адреса омской

---

⁵ См. Erofeev Andrej. Kunst im Verborgenen – Ausstellungskatalog. München, 1995. P. 14.

контркультурной сцены, а также предъявить группе обвинение в планировании террористической деятельности.

Ассимиляция Летова к вынужденному трехмесячному пребыванию в психбольнице и последующей изоляции, навязанной милицией, проявляется в его интервью и текстах этого периода. Песня «Лед под ногами майора», датированная 1986 годом, отражает гамму чувств, которую он пережил во время своего пребывания в психиатрической клинике, при этом ее текст является метафорой, обозначающей сопротивление репрессивной советской системе. Песня заканчивается словами: «И майор подскользнется, майор упадет, // Ведь мы — лед под ногами майора».

Идеологическое обоснование столь суровых репрессий в значительной мере было обусловлено весьма распространенным мнением, что контркультурное движение манипулируется Западом. С целью внедрить эти идеи в массы, предпринимались попытки осудить молодежную контркультуру, вызвать враждебное к ней отношение и заклеить ее как явление, глубоко чуждое советскому обществу: в адрес молодежи повсеместно раздавались публичные брань и поношения, ее представителям навешивались такие ярлыки, как «фашист» и «антисоциалистический элемент»⁶.

Используя стилистические приемы, применяемые в известной степени и на Западе, молодежи отказывали в праве выражать свое отношение к реальным проблемам; подобная практика уходила корнями в советское прошлое. Представители молодежной контркультуры рассматривались как символ западного декаданса, которому не место в обществе, свободном, как утверждалось, от классовых и других антагонистических противоречий, как нечто, имеющее одну единственную цель, – низвергнуть изнутри мирный социалистический строй.

Данная модель общественного диалога по сути продолжает сталинскую антикосмополитическую кампанию, начавшуюся в 1946 году и ориентированную тогда на борьбу со всем, что считалось чуждым советской системе или связанным с Западом (примечательно, что имелось в виду и абстрактное искусство), а затем послужившей толчком для нарастания все более и более агрессивных антисемитских настроений.

В отличие от западного общества, представители контркультуры в России имели большие возможности реализовать свой протест против драконовских репрессий, провоцирующий ответную реакцию системы: учебных заведений, органов государственной безопасности или даже конформистского общества в целом.

---

⁶ В 1989 году Летов дал интервью журналу любителей музыки *Outlying nervous system*, в котором музыкант рассказывал о том, как он и его команда «обливались грязью со страниц омских газет», вслед за чем уже после освобождения из-под ареста, всем им был навешан ярлык фашистов. Один знакомый с Украины описывал, как он и ряд других панков в 1985 году подверглись схожей публичной «порке» в Днепрпетровске, где они были буквально пригвозжены к позорному столбу клеймом «фашисты», причем произошло это на сцене местного культурного центра, прямо в присутствии их родителей, учителей и ветеранов войны.

Риск раствориться в обществе был связан не с либеральной государственной политикой деэскалации и девальвацией культурных ценностей/средств выражения в тех отраслях, которые быстрее реагировали на веяния времени, а с прямым давлением государства, имеющим целью заставить представителей контркультуры следовать его правилам и принудить их не выделяться из массы.

В условиях доперестроечного советского общества люди, связанные с контркультурой и нередко называвшие себя «маргиналами» и «неформалами», оставались в меньшинстве, образовывали промеж себя подчас удивительные сети неформального общения – социальные образования, которые кардинальным образом отличались от государственных организаций, и которые были почти полностью уничтожены. Сети неформального общения, такие как, например, нелегальные звукозаписывающие студии и распространители аудиокассет, отличались близостью к воспроизводимому и распространяемому ими искусству и нередко существовали практически полностью выпадая из сферы коммерческих интересов⁷.

II. Перестройка

Реформы, проводимые с 1985 года и объединенные под общей идеей Перестройки, открыли перед группами, связанными с контркультурой, возможность расширения, чего до этих пор нельзя было себе представить, – и произошло это только вследствие ограниченной либерализации политической системы! В ходе эксперимента по реализации ключевых реформ предпринималась попытка стимулировать развитие социальной независимости и проявление людьми собственной инициативы. Реформы, первоначально замышлявшиеся в целях предотвращения надвигающегося экономического кризиса, должны были обратить внимание радикально настроенных поборников Перестройки к данным группам, принцип внутренней организации которых носил явно общественный характер⁸. Таким

---

⁷ В период между 1983 и 1986 гг. количество кассет с записями одних только сольных проектов Егора Летова (по большей части с собственным аккомпаниментом исполнителя), выпущенных на его студии звукозаписи «Гроб-Рекордз», составило в общей сложности девятнадцать (Летов Егор. Я не верю в анархию. М., 1997). В то же время существовало сравнительно большое число журналов самиздата, посвященных контркультуре: так, до 1986 года только самиздатских изданий о роке было 47, и они выходили почти во всех областях распавшегося Советского Союза (Кушнир А. Дискретная энциклопедия рок-самиздата // Контркультура. 1991. № 3. С. 49-95).

⁸ В своей работе о неформальных группах в период Перестройки Ольга Александрова (1988) показывает, что в официальном советском обществе более не существовало единого мнения относительно групп неформалов. Несмотря на то, что первоначально государственные и партийные органы, а также комсомол были отрицательно настроены к наиболее сильным

образом, во время Перестройки стало появляться все больше докладов, касающихся так называемых неформальных групп и вносивших свой вклад в подъем контркультурного движения и становление достаточно значительного по своей численности среза общества⁹. Известные социологи, такие как Юрий Левада, подтверждают, что в это время «активная часть общества» предпринимала попытки овладеть умами молодых людей, ориентируясь на идею об инициативной молодежи с тем, чтобы снова обрести «кинетическую энергию, утраченную за годы бездействия».¹⁰ В действительности основная, а не чисто символическая роль неформальной молодежи в «Перестройке снизу»¹¹, развивающейся параллельно с реформами, возвращает Леваду к мысли о существовании определенных связей и неиерархических социальных отношений. Такие отношения могли бы поставить неформально организованную молодежь как никакую другую группу в положение людей, освободившихся от навязываемой патерналистской и империалистической моделей самоидентификации, присущих распавшемуся идеологическому блоку¹². В отличие от горбачевских реформ с их нестрогим и зачастую зигзагообразным курсом, «Перестройка снизу» с самого своего начала была нацелена на реальное освобождение от монолитного советского устройства общества, подразумевавшее, в частности, развитие фундаментальных демократических принципов и однозначный ответ на вопрос о главенствующей роли КПСС.

Тесная связь между политикой и культурой также характерна для контркультуры периода Перестройки. Точно так же, как, например, рок-клубы (в особенности те, что были на периферии) становились площадками для создания политических групп, поддерживающих Перестройку, молодые люди со сформированной культурной ориентацией были вовлечены в такие виды политической деятельности как антивоенные протесты, выступления в защиту окружающей среды и последующее сопротивление путчу, организованному коммунистами-консерваторами в 1991 г. В обществе, которое становилось все более поляризованным, и где борьбу против реформ вели не только консервативно настроенные партийные круги, но и вновь появившиеся националистические группировки, несмотря на всю риторику и заявления об обратном, усилились противоречия между предста-

---

политическим группам, та часть интеллигенции, которая сочувствовала реформам, приветствовала такую независимую молодежную деятельность, помогая популяризовывать неформальные течения через средства массовой информации. Характерно, что власть более уже не пыталась помешать этому. Alexandrova Olga. Informelle Gruppen und Perestrojka in der Sowjetunion // Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien. 1988. № 18.

⁹ Левичева Валентина. Неформальная группа: ищем себя // Смена. 1987. № 12. С. 5.

¹⁰ Levada Juri. Der Aufbruch der Jungen // Die enterbte Generation / Ed. Wolfgang Schlott. Leipzig, 1994. P. 167.

¹¹ Дополнительную информацию о «Перестройке снизу» см. в: Engert Steffi, Gartenschläger Uwe. Der Aufbruch: Alternative Bewegungen in der Sowjetunion. Reinbek, 1989.

¹² Levada. Der Aufbruch der Jungen. P. 169.

вителями контркультуры и их противниками. Важным принципом идеологической борьбы как контркультурного, так и демократического движения в целом было отрицание антикосмополитических и антисемитских проявлений. Этот принцип послужил тому, что на движение социального обновления было навешано клеймо враждебного и чуждого русской культуре. В то время как консервативно настроенные партийные круги, говорили о контркультуре исключительно как о западном «идеологическом СПИДе»¹³, в выступлениях групп типа общества «Память» антисемитский подтекст стал еще более явным: так, рок-музыка была обозначена как проявление «сионистской антикультуры»¹⁴ и «инструмент губительного раскрепощения, пропагандируемого космополитами»¹⁵. Не принимая рок-музыку и ассоциируя ее с подобным раскрепощением, «Память», таким образом, демонстрировала, что националисты эпохи Перестройки знали о поддержке представителями контркультуры социальных реформ.

Как было показано в фильме *Лунопарк*, между членами банды рокеров «Ночные волки» и консервативно настроенными молодыми людьми из пригорода Москвы, называвшимися «люберами», происходили масштабные столкновения. Подобные явления свидетельствуют также о разрастании конфликта между сообществами, имеющими отношение к контркультуре и к националистическим группировкам. Здесь интересно отметить тот факт, что рокеры, подвергавшиеся в те времена нападению националистов из-за своего внешнего вида, теперь являются составной частью националистической «хард-металлической» сцены и даже следят за порядком на мероприятиях Либерально-демократической партии Жириновского.

Конфронтация тех дней стала на некоторое время центральной темой творчества «Гражданской обороны», которая неявно декларировала свою позицию по отношению к антисемитизму в следующих словах одной из песен (причем, как это может подсказать сам песенный текст, никого из членов группы данный конфликт напрямую не затрагивал): «Если я такой живой – убей меня любер! // Я – еврей, убей меня член общества "Память"»¹⁶. Пристальное внимание, которое «Гражданская оборона» уделяла конфликту с националистами, подтверждает тот факт, что альбом группы *Все идет по плану*, увидевший свет в 1988/89 гг., содер-

¹³ На апрельском пленуме Центрального Комитета в 1989 г. Первый секретарь ЦК Азербайджанской ССР Абдурахман Везиров описывал огромные масштабы издательской деятельности появившихся к тому времени неформальных групп как «идеологический СПИД», который мог поразить всю нацию (Engert, Gartenschläger. *Der Aufbruch*. P. 87).

¹⁴ Выступление лидера общества «Память» Дмитрия Васильева в 1986 г. в Ленинграде. Цитируется по Laqueur Walter. *The Black Hundred: The Rise of the Extreme Right in Russia*. New York, 1995. P. 261. Группы «Памяти», возникшие в середине восьмидесятых, были основными и на протяжении некоторого времени единственными независимыми националистическими организациями эпохи Перестройки. В начале девяностых из «Памяти» выросли разнообразные фашистские партии, результатом чего стала существенная потеря влияния сравнительно более умеренными группами, входившими в данное объединение.

¹⁵ Volodin Eduard. Für eine Perestrojka auf sozialistisch // *Osteuropa-Archiv*. 1990. № 3. P. A142.

¹⁶ «Гражданская оборона», песня «Все в порядке» с альбома 1988/89 гг. *Все идет по плану*.

жит не менее четырех песен, касающихся главным образом именно этой темы. В песне «Новый 37-й», намекавшей на показательные сталинские суды, есть такие слова:

Пружина перестройки замедляет ход,
Незаметно для нас уготовив
Новый 37-й! <...>
И, когда послезавтра заколотят в дверь,
Уходя в андеграунд, я встречу винтовкой
Новый 37-й!

19-го августа 1991 г., когда в результате усилившегося накала борьбы за власть между силами, поддерживавшими реформы, и их оппонентами консервативное крыло Коммунистической партии объявило о введении чрезвычайного положения, как предрекалось в песне, именно связанная с контркультурой молодежь вышла на возведенные собственноручно баррикады и встала на пути мятежных войсковых подразделений. Тот факт, что эти молодые люди сопротивлялись главным образом возвращению авторитарного режима, который мог бы снова ограничить их свободу, и не выказывали никакой поддержки каким-то определенным политикам, проясняет следующая выдержка из интервью с молодым человеком, принимавшим участие в строительстве баррикад.

«Это правда, что первые баррикады на площадях Санкт-Петербурга и Москвы строились преимущественно молодыми людьми. Однако утверждать, что вся молодежь поддерживала Ельцина неверно. *Они боролись с фашизмом!* [выделение автора]. Молодежи было нечего терять, и она не хотела возвращаться в систему, из которой она едва успели вырваться. Это не имело ничего общего с поддержкой Ельцина. Те, кто возводил первые баррикады, были студентами, панками, хиппи и т.д. И в Москве было все то же самое, только разброс там был еще шире. Общеизвестно, что одна из самых первых баррикад была возведена фанатами "тяжелого металла", причем в строительстве участвовали сотни из них, а также ряд рок-исполнителей»¹⁷.

---

¹⁷ См.: Ehlers Kai. Wir lassen uns nicht in die Seele spucken // Die andere. 1992. № 3. Как описывал свидетель, одно из искусственных заграждений, известное под названием «Баррикада №6», защищали исключительно анархисты.

III. Промежуточный период

Путч 1991 года, который был подавлен лишь благодаря независимому с политической точки зрения поведению множества людей, имел серьезнейшие последствия. С одной стороны, демократические изменения, начавшиеся в период Перестройки, – переход от однопартийного государства к демократической многопартийной системе со всеми основополагающими гражданскими правами – в конце концов были доведены до своего логического завершения в результате вооруженного конфликта противоборствующих сторон, так что здесь можно говорить на самом деле об элементах буржуазно-демократической революции. С другой стороны, попытка запретить коммунистическую партию, что стало возможным только вследствие провала путча и последующего распада Советского Союза, в корне поменяла политический ландшафт, и в особенности в пределах националистического лагеря. Консервативное крыло старой элиты, впоследствии ожесточенно оборонявшееся от всяческих нападков, сейчас было вынужденно срочно вырабатывать новые политические и идеологические стратегии – ведь оно хотело снова обрести власть в стране.

Спустя всего шесть месяцев после вышеупомянутых событий были сформированы первые крупные национал-патриотические¹⁸ объединения – Русский национальный собор и Фронт национального спасения, стремившиеся восстановить Советский Союз или, как заявлялось некоторыми другими блоками, Российскую Империю. В подобных альянсах партий и движений правого и левого толка был представлен широкий спектр сил – от неокommunistов до открыто фашиствующих организаций или отдельных их представителей¹⁹. Одним из руководителей и центральной фигурой таких объединений был Геннадий Зюганов, нынешний председатель ЦИК Коммунистической партии Российской Федерации, образованной несколько позднее. Возникшие мозговые центры и масс-медийные проек-

---

¹⁸ Несмотря на тот факт, что термин «национал-патриотический» уже использовался во времена Перестройки, свое нынешнее значение он приобрел только после событий 1991 года после возникновения широкой оппозиционной коалиции и расширения «красно-коричневого» политического спектра. С тех самых пор этот спектр являлся отображением потенциального, однако не всегда реального, масштаба национал-патриотических альянсов, которые время от времени и вплоть до сегодняшнего дня устанавливаются в разных плоскостях и на разные по длительности сроки.

¹⁹ Перечисление всех тех депутатов, которые успели побывать на посту сопредседателя Российского Национального Собрания, дает представительную картину подобных взаимоотношений. Помимо генерала КГБ в отставке Александра Стерлигова, в этот список входили коммунисты Геннадий Зюганов и Альберт Макашов, бытописатель русской деревни Валентин Распутин, лидер Русского Национально Единства Александр Баркашов, а также Петр Романов, директор огромного химкомбината, относившегося в ту пору к российскому военно-промышленному комплексу (Ivanov Leonid. *Russland nach Gorbatschow: Wurzeln, Hintergründe, Trends der sich formierenden Gruppierungen - Perspektiven für die Zukunft*. Passau, 1996. P. 231, 284).

ты «новых российских правых» в совокупности гарантировали становление и совершенствование трансорганизационной идеологии, которую предлагалось считать национал-патриотической, а также обеспечивали комплексное обновление русской националистической идеи. В числе таких центров – редакционный совет газеты *День* и журнала *Элементы*, публикация которых осуществлялась при поддержке старшего военно-командного состава и в сотрудничестве с западноевропейскими «новыми правыми»²⁰. В качестве альтернативы российскому либерализму, переживавшему очевидный кризис вследствие застоя в процессе обретения свобод, была сформулирована теория «Третьего пути», которая должна была не только объединить крайне левые и правые силы в единый фронт под флагами национал-социализма, но и вести их к идеологическому слиянию. Центральными элементами и идеологической основой для этого объединения стали антисемитизм, представленный в виде надуманной антикапиталистической борьбы, в рамках которой «международный финансовый капитал, подконтрольный евреям» и их исконные пособники были обвинены во всех отрицательных проявлениях «захватнического капитализма», и вместе с тем весомая союзническая поддержка со стороны всех националистически настроенных бизнесменов.

Успех данной стратегии, уже позволившей достичь основной ее цели – объединения почти всех оппозиционных антиельцинских сил в общенациональном общественном движении, – стал возможен благодаря своевременной реакции на специфические признаки кризиса, проявившиеся после августа 1991 года. Внутреннюю политическую ситуацию того времени характеризует тот факт, что непрерывное ухудшение социального положения населения шло параллельно с крушением государственной целостности и потерей страной статуса сверхдержавы²¹. Таким образом, могло возникнуть впечатление, что крах Советского Союза, восхваляемого как общество государственной гражданской защиты, а не, к примеру, господствовавший в течение долгого времени структурный дефицит, вызвал ухудшение социальной и экономической обстановки в стране. Антисемитская пропаганда возникала всякий раз тогда, когда появлялась надобность создать представление о коллапсе Советского Союза как о последствии тайного заговора, осуществленного «длинными руками» Запада. Приводимый ниже отрывок ярко иллюстрирует тот факт, что даже коммунистические лидеры Фронта на-

---

²⁰ Аналогично лидеры западноевропейских «новых правых», такие как Ален де Бенуа и Роберт Стойкерс, с самого начала были членами редсовета журнала *Элементы*. Именно в этом издании впервые в России были напечатаны статьи этих двух авторов.

²¹ В документах, касающихся экономического развития страны, обнаруживаются сведения о катастрофическом падении промышленного производства и, как следствие, снижении уровня жизни в период 1991-1992 гг., когда случился непосредственный слом системы. На протяжении «золотых» лет Перестройки с 1985 по 1989 гг. объемы валового внутреннего продукта как и прежде подрастали ежегодно на несколько процентов, однако, уже в 1991 году началось резкое его уменьшение – на 11,5%, за которым последовал еще больший спад – на 20% в 1992 году. См.: Fischer Weltalmanach 1993. Frankfurt am Main, 1993. Col. 526; Fischer Weltalmanach 1994. Frankfurt am Main, 1994. Col. 906.

ционального спасения выдвигали подобные теории заговора: «Ключ к пониманию Перестройки может быть найден в знаменитых *Протоколах сионских мудрецов*. <...> Для того чтобы развалить государство, "мудрецы" рассудили, что нет необходимости атаковать его при помощи военной силы: гораздо легче взорвать страну изнутри... Однако для этого им приходится склонять на свою сторону людей, используя какую-либо изощренную приманку. Наилучшим решением здесь является лозунг: "Свобода. Равенство. Братство." <...> "Мудрецы" верят в то, что основная преграда для установления их власти – элита нееврейских государств, их аристократия. В отличие от масс, национальная элита, или гоевская аристократия, как ее называют в *Протоколах*, способна к пониманию хитрости "мудрецов" и оказанию им сопротивления. Таким образом, вопросу о методах разложения гоевской аристократии в *Протоколах* уделяется большое внимание. Данная цель достигается путем проведения кампании по "борьбе с привилегиями", которую с энтузиазмом подхватывают народные массы»²².

Наряду с такой явно политически мотивированной пропагандой, значительное усиление антисемитских проявлений в России, в особенности в период между 1990 и 1993 гг., показано в известной степени и в исследованиях, посвященных антисемитским настроениям в российском обществе²³. Необходимо отметить, что в указанный период на вопрос о том, имели ли место сионистские происки против России, утвердительный ответ давали от 9% до 18% респондентов, тогда как от 20% до 60% опрошиваемых не исключали такой возможности.

Помимо слияния идеологий правого и левого толка, а также псевдоакадемического «осовременивания» всегда свежих теорий заговора, одной из основных стратегий российских «новых правых», направленных на придание их движению актуальности, было создание националистической контркультуры. Чаяния и помыслы молодежи, связанной с контркультурой и в значительной мере притягиваемой к неформальным организациям, заставили националистов поверить в то, что мятежный потенциал, как это было продемонстрировано во времена Перестройки, мог бы укрепить националистический фронт и омолодить его ряды за счет новой пробивной силы. Этот тезис подтверждает то, что среди самых первых статей, которые были опубликованы в изданиях *Элементы* и *День*, содержа-

---

²² Якушев В. Сатанинский заговор, или тайные пружины перестройки // Что делать? 1992. № 21. С. 3. Якушев является одним из лидеров второй по величине некоммунистической партии РКРП, в которой насчитывается примерно 10 тысяч членов, и которая также участвовала в деятельности Фронта национального спасения.

²³ См. Гудков Л.Д., Левинсон А.Г. Отношение к евреям // Социологические исследования. 1992. № 12. С. 111; Gibson James. Understandings of Anti-Semitism in Russia: An Analysis of the Politics of Anti-Jewish Attitudes // Slavic Review. 1994. Vol. 53. № 3. P. 797-805; Brym Robert, Degtyarev Andrei. Antisemitism in Moscow: Results of an October 1992 Survey // Slavic Review. 1994. Vol. 52. № 1. P. 1-12; Левада Юрий. Новый русский национализм: амбиции, фобии, комплексы // Мониторинг общественного мнения. 1994. № 1. С. 15–17.

лись пространные исследования, посвященные контркультуре²⁴. Редактор журнала *Элементы* Александр Дугин лично участвовал в процессе формирования националистических партий, имевших тесную связь с контркультурой, а после 1993 года стал главным идеологом националистического контркультурного «движения», набиравшего силу уже самостоятельно.

Настоящее изменение, которое произошло в описываемых условиях в период между 1991 и 1993 годами, – приход революционного национализма переходного периода на смену консервативного перестроечного национализма – в свою очередь укрепило готовность представителей контркультуры встать на сторону нового националистического движения.

Из-за эпохальных событий, происходивших вплоть до конца Перестройки, представители контркультуры столкнулись также и с необходимостью поиска новых ориентиров. Кроме драматичного социального краха, существовал целый ряд специфических факторов, приведших к возникновению глубокого кризиса контркультуры. Таким образом, в результате распада Советского Союза основополагающая идея контркультуры – оппозиция всемогущему репрессивному государству – утратила свой смысл.

Свободный рынок уничтожил сети неформального общения и распространения различных материалов. Культура «домашних» кассетных записей и подвальных концертов уступила место более коммерчески ориентированным аудиопродукциям и большим концертам. Потерю аутентичности, которая была до сих пор присуща контркультуре, предсказал в 1991 году Егор Летов в одном из своих интервью, утверждая, что это будет означать гибель контркультуры и начало неизбежной радикальной переориентации²⁵.

Важным аспектом кризиса контркультуры был тяжелый комплекс вины за свое участие в установлении нового общественного строя, который, как отмечал Егор Летов, в России теперь такой же, как повсюду – ничто иное, как «однообразный материалистический мир, лишенный содержания»²⁶. Гнев многих представителей контркультуры в это время был направлен в основном на их бывших союзни-

---

²⁴ Подобная статья появлялась в каждом четвертом или шестом выпуске газеты *День* и ее правопреемника – газеты *Завтра* – всегда на последней странице и под заголовком «Рок русской оппозиции». В 1-м и с 3-го по 9-й номерам журнала *Элементы* публикуются статьи о деятелях контркультурной сцены, тогда как 9-й номер практически полностью посвящен теме контркультуры.

²⁵ Летов Егор. 200 лет одиночества // *Контркультура*. 1991. № 3. С. 7-18. Этот последний номер журнала *Контркультура* должен рассматриваться в целом как проявление глубокого и остро ощущаемого кризиса советской/российской контркультуры. В обращении редакции журнала к читателям говорится, что за время подготовки данного номера к выходу в свет проект успел исчерпать себя, поскольку издатели окончательно убедились в том, что типографский формат противоречит принципам самиздата, то есть напечатанного от руки в домашних условиях. «Конец [советского] андерграунда» и далее провозглашается в статье под тем же названием, а также в заголовке самого журнала – слово «контркультура» было напечатано перечеркнутым жирным шрифтом поперек всей первой полосы.

²⁶ Летов. 200 лет одиночества. С. 10.

ков – демократически настроенную интеллигенцию и политиков, которые, как они считали, предали их своим невмешательством в систему рыночных отношений и принесли в жертву рок-клубы и другие культурные площадки²⁷.

Вызванный изменением самой системы кризис в постсоветской контркультуре с ее претензиями на аутентичность и героические дела продолжался до тех пор, пока существовала эта культура и не возник новый фронт борьбы, который через ощущение бунтарства подчеркивал бы значимость и «особость» контркультуры. В этой обстановке во многих случаях возрастает готовность принять концепцию западной демократии как врага, что предлагалось националистическими идеологами, утверждавшими, что Запад – «трусливая цивилизация спекулянтов и ростовщиков» – лишает молодежь ее культурной аутентичности и основных социальных благ.

Необходимым условием для эффективной реализации этой новой концепции «врага» было преодоление давней идеологически обоснованной враждебности между контркультурными и националистическими движениями. Для этого следовало преодолеть изоляционистский национализм, преобладавший во времена Перестройки, во многом определивший антизападную ориентацию националистического движения и провозгласивший, в частности, рок-музыку культурно чуждым явлением. В новой идее имперского евразийского национализма, отстаиваемой газетой *День* и журналом *Элементы*²⁸ и расширяющей рамки национализма, детерминантная антизападная направленность находила чрезвычайно абстрактное выражение. Не противоречащие друг другу «пространственные» элементы западной культуры – если оказывалось возможным воспользоваться ими для каких-то антизападных целей – могли бы быть сейчас применены для противодействия этому абстрактному Западу, уже ставшему, говоря языком цивилизации, синонимом таких понятий как либерализм, демократия, финансовый капитал, и, самое главное, декаданс и старомодность.

---

²⁷ На эту тему в журнале *Русский рок* была статья, в которой описывался случай с закрытием рок-клуба при участии одного политика-демократа и делалось следующее обобщенное заключение: «<...> демократам, как это хорошо известно, по какой-то причине не нравится рок-н-ролл». *Русский Рок*. 1993. № 1. С. 14.

²⁸ Понятие евразизма здесь относится к идеологии, развитие которой дали русские эмигранты, покинувшие родину после Октябрьской революции. В рамках этой идеологии демонстрируется сходство с «консервативной революцией», которая зародилась в Западной Европе в то же самое время и на которую преимущественно ссылались русские националисты-интеллектуалы после событий 1991 года. Несмотря на то, что данная идеология претендует на объединение всех этнических групп и наций, в особенности азиатских, в составе Российской Империи, русским отводится особая роль как государствообразующей нации, что в конце концов превращает евразизм в некоторую форму русского имперского национализма. Вследствие своего «объединительного» начала евразизм в отличие от национализма, построенного на основе идеи русской исключительности, оказывается более пригодным для решения задачи восстановления распавшейся империи. Неоевразийская идея, которую отстаивали Александр Дугин и журнал *Элементы*, расширяла пределы традиционного евразизма и распространяла евразийскую империю от Дублина до Владивостока – империю, которая должна была формироваться как громадный континентальный блок, противодействующий старому новому врагу – Америке.

Преодоление идеологической вражды между националистами и представителями контркультуры требовало пересмотра и переосмысления старых идей и убеждений со стороны и тех, и других. В журнале *Русский рок*, посвященном музыке контркультуры и ставшем одним из первых периодических изданий четко выраженной националистической направленности, можно обнаружить, помимо прочего, несколько ярких текстов, в которых декларируется исключительная особенность и превосходство русского рока, а также его гармоничное сочетание с традициями национальной культуры²⁹. Рок-музыка представлялась как языческий культ поклонения силе Диониса, который призывал к смене позиции, считавшейся во многих отношениях женской и анархической, то есть типичной для контркультуры, на подобающее мужчине отношение к национальному вопросу³⁰. Суть этого требования заключалась в трансформации идеи свободы и подмене того, что первоначально являлось социальным выравниванием, затрагивающим всех людей, искаженным стремлением к индивидуальному всемогуществу, которое также предполагало образование новой системы ценностей в контркультуре. Призывы к следованию некоторым понятиям в определенной последовательности, такой как анархия – свобода – нонконформизм, не были полностью списаны со счетов, несмотря на описанные выше перемены, а продолжали использоваться с отдельными изменениями и в дальнейшем.

В дополнение к многочисленным статьям о контркультуре, появляющимся в изданиях *Элементы* и *День* и имеющим выраженную националистическую направленность, первым реальным показателем становления националистической контркультуры в переходный период стало основание в 1992 году Национальной радикальной партии. Данное образование состояло в основном из выдающихся представители контркультуры, которые ранее играли немаловажную роль в теневом кабинете Жириновского, поскольку участвовали в создании действенного в отношении СМИ и в то же время агрессивного-популистского стиля партийного лидера³¹. Национал-радикалы занимались изданием уже упоминавшегося журнала *Русский рок*, организацией концертов, имевших открытую националистическую направленность, а также вели разнообразную деятельность в самых разных сферах жизни. В частности, на выборах мэра Москвы они выставили своего кандидата – солиста популярной в то время группы «Коррозия металла», исполнявшей «тяжелый металл», – и играли в конечном счете важную роль центра по координации связи контркультуры с национально-патриотическим движением.

В самом деле, именно один из самых известных национал-радикалов писатель Эдуард Лимонов, ранее выславшийся из России, обладал той степенью аутентичности, которая была необходима для завоевания доверия молодежи, поощрения разрыва ими связей с бывшим лагерем восставших против советского кон-

²⁹ Русский Рок. 1993. № 2. С. 3.

³⁰ Русский Рок. 1993. № 1. С. 29.

³¹ Лимонов Эдуард. Лимонов против Жириновского. М., 1994.

серватизма и их становления национал-революционными активистами. Лимонов был изгнан из страны в 1974 году из-за появившейся в самиздате книги излишне откровенных стихов. Его автобиографический роман *Это я, Эдичка*, в котором он описывает свою жизнь в изгнании в Нью-Йорке с точки зрения русского битника, был близок к тому, чтобы стать культовой книгой русской контркультурной сцены (с тех пор общее число проданных экземпляров этого произведения превысило миллион)³². В начале девяностых годов Лимонов стал одним из наиболее неистовых апологетов гражданской войны в бывшей Югославии и был чрезвычайно активен, сражаясь на стороне сербов. Откровенное прославление Лимоновым войны, кульминацией чего было заявление, что «Война – это свобода»³³, поставило его в один ряд с идеологом *Элементов* Дугиным. Лимонов и Дугин должны были стать движущей силой красно-коричневого контркультурного движения, которое, однако, не было сформировано до окончания постперестроечного периода³⁴. Дугин, как и Лимонов, был вдохновлен войной на Балканах, которую он воспел в одной из своих статей, называя ее «консервативной революцией в Сербии» и утверждая, что данную модель желательно использовать в России для ведения национальной борьбы за освобождение³⁵.

Развитие ситуации в России с начала 1993 года указывало фактически на приближающуюся гражданскую войну. Многотысячные национал-патриотические демонстрации того времени, а также тщетная попытка Ельцина запретить Фронт национального спасения в значительной мере способствовали дестабилизации внутренней политической обстановки.

Объявленный российским президентом вопреки действовавшей конституции роспуск парламента послужил толчком к возникновению оппозиции и активным действиям национал-патриотов. Именно они в октябре 1993 года сражались с целью захватить власть в России. Вооруженные столкновения вокруг парламента и

---

³² Сегодня Лимонов является одним из самых популярных авторов, пишущих как прозу, так и эссе на политические темы. Его националистические произведения можно также найти в Германии в магазинах, торгующих русскими книгами. Однако в этой стране едва ли можно заметить активную политическую деятельность Лимонова, а если и так, то ее интерпретируют в искаженном свете – таково прискорбное положение дел, даже среди восточноевропейских исследователей. Кристоф Зюрхер в бюллетене *Berliner Osteuropa-Info* (1998. № 11) с воодушевлением описывает «приключения сумасшедшего Эдди Лимонова», рассказывая, среди прочего, о публично задокументированном обстреле осажденного Сараево, а также о разговоре Лимонова с глазу на глаз с сербским полевым командиром Арканом. (О дальнейшей политической эволюции Лимонова см.: Соколов Михаил. Национал-большевистская партия: идеологическая эволюция и политический стиль; Вафин Артур. Идеино-политическая платформа Национал-большевистской партии в контексте эволюции национал-большевистских идей // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2010. № 1. С. 114-148. <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss13.html>).

³³ Лимонов. Лимонов против Жириновского. С. 11.

³⁴ В беседе, содержание которой было опубликовано в четвертом выпуске *Элементов*, Дугин и Лимонов пришли к соглашению о необходимости практических действий, направленных на популяризацию элитарных идей «новых правых». См.: Элементы. 1993. № 4. С. 49-52.

³⁵ Дугин Александр. Консервативная революция. М., 1994. С. 165.

телецентра в Останкино побудили ряд националистов из «контркультурных кругов», панков, анархистов и некоторые организованные националистические группировки – от фашистских объединений до последователей Сталина – бороться не друг против друга, а объединиться по одну сторону баррикад. В течение долгого времени они сражались плечом к плечу, уверенные в том, что добились окончательной победы, поскольку армия колебалась несколько дней, прежде чем встала на сторону президента. Основной вооруженной группой национал-патриотов были фашисты из Русского Национального Единства Баркашова³⁶, которые в случае победы составили бы костяк спецподразделений Министерства внутренних дел³⁷. Значимость, которую приобрели представители контркультуры за время сражений на российских улицах, подтверждает тот факт, что последний выпуск газеты *День*, появившийся в дни беспорядков и на тот момент уже ставшей нелегальной, содержал большое количество статей будущих членов контркультурной Национал-большевистской партии. Кроме того, к газете прилагалась дополнительная страница, с которой видные деятели контркультурной сцены, такие как Егор Летов, призывали к поддержке национал-патриотов. В этом воззвании Летов охарактеризовал самого себя как «советского националиста» и, вопреки всему своему жизненному опыту и более ранним убеждениям, прославлял СССР, называя Советский Союз важной вехой на пути к объединению всего человечества.

Военное поражение национал-патриотов после обстрела парламента российской армией послужило импульсом к расколу в национал-патриотическом движении в постперестроечную эпоху. Тем не менее, выборы в декабре 1993 года оказались чрезвычайно успешными для партий националистического толка; часть национал-патриотов отказалась от дальнейшей борьбы (которой вплоть до этого момента руководили воинственно настроенные оппозиционеры) в пользу участия в парламентской деятельности³⁸. Этот оппортунистический шаг позволил большому числу радикальных сил проявить себя в борьбе не только с демократами, которые до тех пор выступали единым фронтом, но и с национал-патриотами, уже имевшими своих представителей в Думе. Одновременно с этим в результате успехов националистов на политической арене в правительстве Ельцина

---

³⁶ Дополнительную информацию об РНЕ, которое с момента своего основания в 1990 году превратилось из фашистской секты в массовое политическое движение с десятками тысяч членов (в том числе вооруженных), можно почерпнуть в работе: Mathyl Markus. Staatlicher Antisemitismus in Rußland – Auflösung oder Renaissance // Jahrbuch für Antisemitismusforschung. 1999. Vol. 8. P. 60-82.

³⁷ Известия. 1995. 6-е сентября. Первая полоса.

³⁸ В общей сложности почти 50% электората отдали свой голос за национал-патриотические партии. На выборах депутатов в Госдуму ЛДПР набрала 22,92% голосов, за КПРФ проголосовало 12,4%, а близкая ей по духу соперница – Аграрная партия – получила 7,9% голосов. Помимо этих явных национал-патриотических объединений была еще и часть, так сказать, центристских партий, которые имели скорее национал-патриотическую ориентацию, нежели демократическую.

произошла важная для всего российского государства корректировка курса в национальной политике, кульминацией которой стало развязывание агрессивной войны против населения Чеченской республики³⁹.

Александр Дугин, который присоединился к радикальным силам, еще не успевшим оплакать свое поражение в октябрьских боях, но уже рассматривавшим эту схватку как призыв к началу общей борьбы, вместе с Эдуардом Лимоновым, Егором Летовым и другими представителями контркультуры стоял у истоков возникшей в начале 1994 года «революционной оппозиции» и позже – Национал-большевистской партии (НБП). В постперестроечный период эта партия трансформировалась в своего рода центр националистической контркультуры, в котором были представлены самые разные стили и направления, и превратившийся в нечто, напоминающее своей структурой общественно-политическое движение.

В заключение, я хотел бы сформулировать следующий тезис: тот факт, что проблема возникновения националистической и в какой-то степени фашистской контркультуры в постперестроечной России является отражением в существующей культурной парадигме политических и социальных преобразований, произошедших в стране во время Перестройки и в постперестроечный период, до сих пор недостаточно изучен. Перемены в российской контркультуре, подвергшейся испытаниям на разных этапах своей истории, являются характерным для молодежи восприятием событий, которые произошли несколькими годами раньше в политической и общественной жизни постперестроечной России, а именно: (1) идеологического сближения коммунистических и националистических сил, в результате которого возникшие национал-патриотическая идеология и движение стали играть доминирующую роль в оппозиции (1991-1993 гг.); (2) притязания националистических сил на то, чтобы стать господствующей идеологией в постперестроечной России (с конца 1993).

Повсеместное усиление антисемитских и националистических настроений в национал-патриотическом движении и проявление их как внутри, так и вне парламента, в значительной степени затормозили демократические преобразования эпохи Перестройки в процессе проводимых социальных реформ. Таковы были последствия серьезных изменений в националистическом движении, которое

---

³⁹ Эта корректировка, как и повсеместное господство идей о преимуществах националистического пути развития в России начиная с 1994 года, подтверждаются документами, цитируемыми в антологии, которую выпустил исследовательский центр «Восточная Европа». Несмотря на то, что один из ее авторов – Гассан Гусейнов – анализирует данный процесс с позиций меняющейся политической риторики и настаивает в связи с этим на том, что ключевая пространственно-временная метафора эпохи Горбачева (апрель, весна, перемены) была подменена основной пространственной метафорой и сохранена в эпоху Ельцина, другой автор – Галина Люхтерхандт – показывает, как, с одной стороны, «идеологи президентской философской школы» переняли отдельные элементы национал-патриотической идеологии, а, с другой, были проведены структурные изменения в авторитарно-государственной системе управления. *Rußland - Elemente einer postsowjetischen Kultur* / Ed. Forschungsstelle Osteuropa. Bremen, 1996.

мастерски приспособлялось к радикально меняющимся социальным условиям, что позволяло вовлекать в свои ряды группы, ранее не тяготившие к националистической идеологии, прежде всего молодых приверженцев контркультуры.

В свою очередь, представители контркультуры не остались в стороне от революционного демократического переворота и при их активном участии произошел явный кризис советской/русской контркультуры, коснувшийся не только отдельной личности, но и общества в целом.

После Перестройки, когда основополагающая идея контркультуры, сводящаяся к оппозиции всемогущему репрессивному государству, утратила свой смысл, а сама контркультура – свое значение, была предпринята попытка компенсировать эту утрату с помощью нового контркультурного проекта. Продвижение так называемой «Контрперестройки» должно было возродить бунтарский идеи Перестройки, направляя их против реформ, и, тем самым, создавая новую утопию, в которой представители контркультуры как новая элита не только возвращали свою прежнюю значимость, но и многократно преумножали ее.

Возникновение националистической контркультуры в постперестроечной России должно рассматриваться как результат взаимного сближения и специфического обобщения интересов националистического движения и контркультуры в контексте социальных изменений. В итоге, происходит восстановление контркультурной идентичности, а также радикализация и фашизация русского национализма.

Контркультурные группы играют сегодня центральную роль в становлении организаций национал-патриотического спектра, ориентированных на молодежь и имеющих ярко выраженную фашистскую направленность. Они пропагандируют войну, расовое насилие и террор против личности; они несут в себе огромный потенциал насилия. О том, насколько это опасно, говорит хотя бы тот факт, что националистическая контркультура вторгается глубоко в общество, используя в качестве посредника популярную музыку и культуру.

Наконец, важно заметить, что националистическая контркультура всего лишь отражает последовательное слияние красно-коричневых национал-патриотических группировок, которое произошло после распада Советского Союза. Несмотря на ее тягу к насилию и явное стремление к дальнейшей радикализации, включая возможную террористическую деятельность, данная идеология сегодня весьма популярна и становится даже все более социально приемлемой.

Националистическая контркультура благодаря своему международному масштабу и связям ее представителей преимущественно с правыми экстремистскими группировками в Западной Европе представляет собой чрезвычайно интересный материал для последующего компаративного исследования хотя бы в рамках Европы. Вопрос о том, в какой мере такая работа будет способствовать пониманию и возникновению новых взглядов на западный правый экстремизм, остается открытым.